

ПЕРЕЖИТЬ ВОЙНУ: РЯДОВОЙ СОСТАВ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ
ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ*

МОРОЗОВА О. М.

*канд. ист. наук, доцент кафедры связи с общественностью
Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону*

LIVE THROUGH WAR:
JUNIOR ENLISTED OF ARMED
UNITS IN RUSSIA'S CIVIL WAR

MOROZOVA O. M.

Объектом изучения стал слой рядовых комбатантов, добровольно или вынужденно принявших участие в боевых действиях гражданской войны. Вскрыты механизмы вовлечения представителей массовых слоев в вооруженный конфликт и мотивация их продолжительного пребывания в армейских частях.

The subject of research is junior enlisted combatants rank, voluntarily or forcedly involved in Civil War. The mechanisms of mass rank representatives' involvement into the armed conflict and their enduring stay in army troops are shown.

Ключевые слова: гражданская война, история повседневности, красные и белые, вооруженные формирования, рядовой состав.

Keywords: Civil War, the history of daily life, Reds and Whites, armed formations, junior enlisted combatants.

УДК 94.084.3(47)

Длительный период – с 1914 г. и по начало 1920-х гг. – Россия переживала серию военных столкновений, различных по природе, но сходных по культурно-психологическому отклику во всех слоях общества. С превращением внешней войны в гражданскую в конфликт затягивалась все большая масса людей, граница между фронтом и тылом размывалась, у военных и у гражданских лиц формировался особый опыт жизни в условиях перманентного вооруженного противостояния. Понимая многогранность проблемы повседневности военного времени, ограничимся в рамках данной статьи двумя ее аспектами: (1) вопросом об источниках рядового контингента для военных соединений и (2) повседневной жизнью нижних чинов обеих армий, к которой в этом контексте относятся и бои, и время между ними, проведенное в строю.

I.

Февральский переворот 1917 г. был поддержан солдатской массой, которая использовала разыгранную перед ней шпионскую истерию для прикрытия своего нежелания воевать. Как писал служивший офицером в германскую войну Ф. Степун, к 1916 г. прошло покорное, фаталистичное отношение к войне как к неизбежности [1]. Свержение царизма стало сигналом к публичному выражению всех ранее скрывавшихся страстей и желаний. Еще более горячий прием советских декретов должен был, казалось бы, означать, что в

*Работа выполнена при финансовой поддержке исследовательского гранта РГНФ № 08-01-00465а, проект «Гражданская война: взгляд из окопа».

ближайшее время найдется немного желающих взяться за оружие. Однако в течение следующих месяцев приток в вооруженные отряды становился все более массовым независимо от их политической окраски. Так какие же процессы сделали возможным отказ от лозунга «мир – фронтам» и возврат к боевой жизни?

Привыкшие за три с лишним года к армейской жизни, фронтовики после недолгого пребывания дома с охотой вновь шли под ружье [2]. Статистика свидетельствует, что примерно треть красноармейцев принимала участие в германской войне [3].

Все армии (алексеевская организация, отряды донских партизан, красногвардейские отряды) начинались с одного правила: «группами командовали те, кто их привел или случайно собрал» [4]. Чаще всего путь в армию пролегал через организуемую местную самооборону, отряды по охране, например, железнодорожного имущества [5]. Костяком формирований, затем влившихся в Красную армию, становились демобилизованные солдаты, командирами – бывшие унтер-офицеры [6]. Первоначально отряды местной самообороны выступали из станицы на кратковременные рейды и возвращались домой. Прошло время, пока они сменили один оперативный масштаб на другой: вышли за рамки деревенской окрестности и стали считать себя частью вооруженных сил одной из сторон конфликта. Куцевский станичный гарнизон, состоявший из кубанских казаков, присоединился к белым, т.к. ему противостоял отряд расположенной неподалеку крестьянской слободы Подкущевка, нашедший общий язык с другими иногородническими формированиями пробольшевистской ориентации.

Формировавшиеся в начале 1918 г. отряды, или «станичные гарнизоны», как их называли тогда, рассматривались их командирами чуть ли не как личная собственность. Понимая своеобразно принцип единоначалия, командиры решали, с кем дружить, а с кем воевать [7]. И. Л. Сорокин, главнокоман-

дующий войсками Северокавказской республики, под Тимашевской требовал от полков, которые вышли из повиновения, сдать оружие [8], поскольку считал, если он им его дал, то может и вернуть назад.

Жители сел вступали в проходившие мимо отряды, которые непременно устраивали митинги и запись добровольцев. Те, кто пошел воевать в красногвардейские и краснопартизанские отряды добровольно, неоднократно упоминали в автобиографиях, что записываться в отряды их *призывали* на митингах [9]. Борьба за массы в 1917 г. – это была битва ораторов. Кто был убедительнее, кто был популярнее, за тем и шли. Хороший оратор был для конкурентов опасен.

Не все фронтовики откликались на эти призывы, но те, кто записывался в отряды, принадлежали к типу *человека войны*, который появился на фронтах германской войны, окреп и развился в ходе гражданской. З. Н. Гиппиус, хотя и была далека от народа, но верно подметила, что «из мужика делают «вечного» армейца, праздного авантюриста» [10]. Американский исследователь О. Радки считал в поведении радикальных сторонников большевизма не последней роль привычки к насилию, полученной на войне [11].

Заставляла вновь взяться за оружие и логика последовательных событий. Израиль Маркович Бердичевский, уроженец м. Златополь Киевской обл., дезертировал из царской армии в 1916 г. и скрывался у родных. После Февральской революции активно занялся политикой как сторонник левых партий, осенью 1917 г. возглавлял местный ревком. После установления на Украине режимов, не признаваемых ревкомаами, ушел в составе красногвардейских отрядов и воевал всю гражданскую войну [12]. Подобное втягивание человека в конфликт как бы против его первоначального желания происходило благодаря действию механизмов стабилизации самоидентификации и психологической защиты, которую требуют даже самые неудачные по своим результатам решения.

Со временем и домоседы, особенно в районах активных боевых действий (Север, Юг, Сибирь), вынуждены были взять в руки оружие. С лета 1918 г. отсидеться дома им не давали красные и белые мобилизационные комиссии, а также то, что обе армии проходили по селам в поисках фуража, лошадей и продовольствия, что вызывало неизбежные конфликты, которые пополняли ряды противника. Сибирячка Серебрякова много лет назад рассказала исследователям историю своей семьи о том, как ее отец оказался у белых, а его родной брат стал красным. «В 18-м году к нам в село пришли красные. Провели митинг, выбрали Комбед. Председателем Комбеда назначили беспробудного нищего пьяницу. У нас были лошади, табун целый, красные забрали всех, кроме одного жеребца... [...] А отца моего забрали в Красную Армию. Вскоре отец вернулся – в одной деревне, которая поддержала белых, его заставили убивать детей, и он убежал. Потом отец ушел к белым добровольцем. С ними воевал всю гражданскую. Потом к нам пришли белые. У нас хотели забрать последнего коня, но мы его спрятали. Запороли чуть не до смерти брата моего отца. Дядя убежал к красным. Потом он служил у красных, дослужился до генерала в Москве...» [13].

В. Д. Поликарпов установил, что в Смоленской губ. в 1918 г. факторами формирования красных частей служили голод и беженцы из западных губерний, осевших в Смоленске, для которых служба стала элементом определенности [14].

В конце весны 1918 г. Кубани непосредственно угрожало вторжение немецких частей, уже занявших Крым и правобережье Дона. Это вызвало приток добровольцев, особенно фронтовиков – жителей сел, в красногвардейские отряды [15].

А. В. Посадский на основе документов, отложившихся в фонде Саратовского губернского военного комиссариата, искал закономерности, которые смогли бы объяснить причину добровольного вступления крестьян в части Красной

Армии в 1918 г., и пришел к выводу, что оно не имеет абсолютной преемственности с аграрным движением 1904–1907 гг., как считали исследователи советского периода; что наблюдается своего рода «гнездовость»: большое число добровольцев из сопредельных волостей, которое он связывает с влиянием некоторого числа местных большевиков. Активность в выдвижении добровольцев в Красную Армию совершенно не гарантировала лояльности к советской власти оставшихся дома односельчан. Разгромы продотрядов совершали и образцовые по данным военкомата волости. Но в целом в первый год гражданской войны саратовская деревня дала ничтожно малый процент добровольцев в Красную Армию [16].

Расслоению деревни в период после 1917 г. способствовал конфликт предреволюционного и революционного способов решения земельного вопроса. А. Н. Анишев отметил, что «политическая физиономия крестьянина, купившего землю до революции, противоположна физиономии крестьянина, получившего землю от революции» [17]. Столкновения между столыпинскими и общинными крестьянами подталкивали последних из них к признанию советской власти [18]. Бывшие отрубщики и хуторяне, обиженные односельчанами в 1917 г., становились надежным кадром антисоветских вооруженных формирований в Поволжье.

Зимой–весной 1918 г. красные отряды, которые считались советскими органами разложившимися, осуществляли грабительские и карательные набеги на города Поволжья. Они-то и спровоцировали создание отрядов городской обороны. Затем их участники, оценивая антибольшевистскую власть как власть порядка, вливались в добровольческие соединения. Группа гимназистов из Кузнецка ушла пешком в Сызрань, чтобы записаться в Народную армию Комуча. Городская молодежь при вступлении в белые отряды руководствовалась идейными соображениями. Это были представители семей, известных в городе в предреволюционные десятилетия

своим активным общественным поведением. Формирующийся на ст. Сызрань полк состоял в основном из мещан, и то, что к ним записывались гимназисты, вызвало гордость за свое дело и уважение к юношам [19].

Весной–летом 1918 г. крестьяне испытывали радость от ослабления налогового гнета и окончания мировой войны, но страдали от сильно развившегося хулиганства, который пресекался отрядами самообороны из вернувшихся фронтовиков. Белые войска формировались в основном из городского населения, но офицерские восстания лета 1918 г. встретили благожелательное отношение сел Поволжья, уже начавших разочаровываться в советской власти. Дружины крестьянской самообороны вошли в белые соединения [20].

Зажиточные слои вотчинных уездов махновской Революционно-Повстанческой армии были не с Махно, а с белыми [21]. К белым присоединялись германские и болгарские колонисты Таврической губернии. А немцы поволжских колоний дали большое число добровольцев в Красную Армию. А. А. Герман объясняет это тем, что «тавричане» и «поволжцы» принадлежали к разным волнам иммиграции в Россию. Поволжские колонии возникли в XVIII в. и существовали по общинному принципу. Таврия была заселена колонистами в середине XIX в. Из Германии прибывали уже другие немцы, которые стали вести фермерское хозяйство [22].

Очевидно, что у низших слоев общества (крестьян, мещан, рабочих) были мотивы служить на стороне противников большевизма. При внимательном чтении источников случаи службы в белых частях оказываются далеко не единичными, даже если оставить в стороне массу перебежчиков, не однажды менявших лагерь. Донские эмигрантские авторы свидетельствовали, что в армии Краснова были и донские крестьяне: 3-й и 4-й стрелковые полки [23]. На всех фронтах были факты, когда пленные или сдавшиеся красноармейцы вливались в белые формирования и сражались в них до конца [24]. Летом 1918 г.

Саратовский корпус, составленный преимущественно из крестьян Саратовской губернии, ушедших от большевиков и «крепко их ненавидевших, отлично дралась вместе с казаками на царицынском, камышинском и балашовском направлениях» [25].

Исследователи Г. А. Герасименко, А. В. Посадский отмечают, что вчерашний махновец в белых рядах, не исключая самых прославленных частей, был явлением обычным [26]. Это происходило посредством вербовки и добровольной записи, без всяких политических авансов и договоренностей. В условиях строевой службы в общевоинских белых частях бывшие махновцы проявили свои высокие боевые качества.

Другие факторы препятствовали добровольному вступлению низших слоев в армию белых. Советские и эмигрантские источники говорят о том, что к концу 1920 г. настроение крестьян района дислокации красного Южфронта было несочувственным к советской власти [27]. Но крестьян Таврической губернии от вступления в армию Врангеля отпугивало наличие там сословных, этнических, социально-культурных «чужаков»: зажиточных германских колонистов, офицеров-интеллигентов, помещиков, всадников, одетых в черкески (что было сигналом близкого грабежа). Если они обнаруживали там чуждые группы населения, это означало, что с этим воинством им не по пути [28]. В этом случае выбирался третий путь – в «зеленое» воинство.

Кадровых рабочих большевики мобилизовывали только в период отступления, но и то ненадолго. Например, рабочий-маляр после революции возглавлял местный военно-революционный комитет, совет; в августе 1919 г. был мобилизован на фронт, но уже в октябре возвращен на должность комиссара железнодорожной ЧК ст. Перово (т.е. домой) [29]. Участники красногвардейских отрядов из Ростова-на-Дону и Таганрога, справедливо решив, что оставаться дома после свержения большевиков опасно, весной 1918 г. отступили на север, но в регулярные части Красной Ар-

мии не пошли, а устроились работать по специальности на промышленные предприятия и железнодорожные депо [30].

Встреча знакомого часто решала, какую сторону конфликта принимал человек. Андрей Исаевич Березников, бывший солдат Турецкого фронта, после возвращения домой и до начала 1920 г. вел обычную обывательскую жизнь. Но когда в Ростов вступили красные, он встретил на набережной у Большого проспекта артиллерийский отряд своего старого сослуживца по Турецкому фронту Ивана Викторовича Скачкова, который собирался обстреливать Батайск, и Березников стал подносить им снаряды. Так он стал красным дружинником и охранял ВРС, который возглавил тот же Скачков [31].

Воинские соединения из мобилизованных, созданные на ходу, в боевой обстановке, никогда не были многочисленными. В трудных боях на широком фронте они не были стойкими, демонстрируя повсеместно сдачу в плен и активный переход на сторону красных. В целом переход на сторону врага в ходе гражданской войны был явлением чрезвычайно распространенным. Доля перебежчиков среди рядовых была существенно выше, чем среди командного состава обеих армий. Основаниями для такого поступка были как идейные соображения, так и мотивы выживания; как внутренние побуждения, так и принуждение извне. Среди наиболее распространенных причин достаточно назвать:

1. Желание вернуться к тем, кто представлялся «своим». Оказавшись в плену у белых в Таврической губ. в 1920 г., 23 красноармейца стали хитрить, назвались мобилизованными казаками, согласились идти в действующие части, чтобы сагитировать их и увести к красным. Уходили группами по двое, прихватывая с собой по 10–15 солдат из корпуса Слащева. Вскоре контрразведка что-то заподозрила и двоих расстреляла, остальных перевели в тыл ухаживать за лошадьми. Там они переключились на агитацию среди офицеров, стали им

рассказывать о привилегиях красных командиров. Были случаи перехода офицеров к красным [32]. Раненые красноармейцы, мобилизованные после выздоровления в Добровольческую армию, часто в первом же бою переходили к красным [33]. А бывшие офицеры покидали Красную Армию и бежали к белым: «...Наш командир оказался офицером и сбежал к белым», вспоминал бывший боец Красной Армии [34].

2. Нежелание покидать родные места. Дезертировав из одной армии, они оказывались вскоре мобилизованными другой стороной. «Территориальная система формирований приводила к тому, что мобилизованные не отходили от интересов деревни и при первых же признаках слабости власти старались вернуться домой. [...] Крепкие самарские части с Каппелем были между Симбирском и Бугульмой, а мобилизованные почти полностью растаяли», вспоминал бывший офицер-колчаковец [35]. Мобилизованные ставропольчане поголовно дезертировали, стоило их советскому полку выйти за границу губернии [36].

3. Стремление оказаться на стороне сильнейшего в этой войне. В октябре 1919 г. казаки изрубили офицеров, в том числе полковника Богаевского, брата донского атамана, и перешли на сторону красных. Егор Букин, служивший в 1918–1919 гг. в армии Деникина и вступивший в 1920 г. в Красную Армию, был награжден орденом Красного Знамени за бои на Польском фронте [37].

Были и частные причины для смены цвета знамени. Факт перехода Павла Петровича Афиногенова, иногороднего из ст. Цимлянской, может быть связан со вскользь упомянутыми в автобиографии обстоятельствами: у него возник конфликт с непосредственным командованием в полку Добровольческой армии, куда он был мобилизован, а на данном участке фронта этой белой части противостоял большевистский отряд, в котором находились его земляки [38].

Почему крестьяне идут в армию по мобилизации? По мнению Гишпиус, делать в деревне зимой нечего, да и хлеб

на счету, а в Красной Армии обещают паек, «одевку, обувку», и не всех же посылают на фронт; а весной можно и в деревню или в лес к «зеленым» [39]. И как ни странно, она права. Приток добровольцев мог быть связан с особенностями крестьянского цикла и крестьянского сознания. Например, наплыв крестьян-добровольцев в Северную армию генерала Е. К. Миллера в сентябре 1919 г. был связан с тем, что крестьяне собрали урожай и не хотели отдавать его советам: с практикой продотрядов они уже были знакомы [40].

Многие белые мемуаристы отмечают равнодушие к политике рядовых участников войны и пленных красноармейцев, и мобилизованных, и даже добровольцев [41]. И почему такие солдаты не покидали армию? Потому что находиться в составе вооруженной группы в то смутное время было куда безопаснее, чем оказаться в положении незащищенного обывателя – жертвы при любой власти. Б. В. Савинков объяснял ситуацию так: «Большевики обещали мир и дали самую жестокую из всех известных человечеству войн. Нейтральным оставаться нельзя. Надо быть или красным, или белым. Крестьяне понимали это» [42].

В отношении мотивов дальнейшего участия в войне бойцы из лагеря красных разделяются на две категории: «романтиков» и «прагматиков». У первых была мечта довести жизнь «до совершенства» [43]. В 1920-е гг. у бедствующего после демобилизации из РККА Григория Григорьевича Чуприны прошлое вызывало ностальгию, потому что тогда была надежда на лучшее, потерянная им в мирное время: «Я вспоминаю бывшую войну, то поверьте, мне было хорошо, что я везде жил будущим, что “завоюем, и будет хорошо”...» [44]. Вторая категория бойцов обращала внимание на материальную сторону дела. Их привлекало то, что командование отмечало их, кормило и одевало. Участник гражданской войны на Северном Кавказе на стороне красных А. Панкратьев на этот счет высказался определенно: «...Наше дело было такое: даешь

новое английское обмундирование и больше никаких [вопросов]...» [45]. Не последним было стремление укрыться от враждебной силы, которую видели в белых. Красноармейка на вопрос, что с нею сделают «кадеты», если поймают, ответила: «Кроме ничего, как порежут на куски...» [46].

В белоэмигрантских мемуарах с целью подчеркнуть чужеродность для России большевизма упоминается использование большевиками в качестве ударной и карательной силы инородцев – китайцев, венгров, башкир. О них среди обывателей передавались самые невероятные слухи, например, что китайцы питаются мясом расстрелянных и пр. В дивизиях и полках Красной Армии действительно создавались специальные *китайские отряды*, чаще всего называвшиеся Интернациональными. Они состояли из китайцев, которые с конца XIX в. приезжали на заработки на Дальний Восток и в Сибирь [47], но затем, после начала мировой войны, в принудительном порядке были направлены на работу и в другие районы страны: в Мурманский порт, на строительство Черноморской железной дороги, на шахты Донбасса и т.д. Большевистская пропаганда связывала их участие в российских событиях с «судьбой революции в Китае», хотя очевидно, что в действительности пребывание в отряде среди соплеменников было способом выживания для людей, не по своей воле оказавшихся в тысячах километров от родины без средств к существованию (ведь промышленные предприятия, на которых они работали, остановились) и в чужой враждебной среде.

Как вспоминал командир 1-го Харьковского партизанского отряда Григорий Васильевич Третьяков, при отступлении с Украины в г. Таганрог он принял в свой отряд несколько китайцев: «Их обмундировали, отрезали косы и зачислили в красноармейцы». По мере движения на юг к ним примкнуло еще несколько сот китайцев. В результате сформировался отряд, который во Владикавказе уже насчитывал 300–350 чел. П. С. Кобаидзе, бывший комиссар отря-

да имени Терского Совнаркома, писал, что большинство китайцев плохо говорило по-русски; они не были обучены военному делу, «однако упорная учеба, исключительная дисциплинированность и воинская спайка превратили китайский отряд в один из самых стойких и надежных частей вооруженных сил молодой Терской республики советов» [48].

Внутри отрядов существовали свои собственные отношения и законы: за воровство рубили руку, за трусость могли повесить. Китайские красноармейцы отличались особой стойкостью, что было связано прежде всего с гораздо более тяжелыми последствиями плена для них, чем для русских. Примечательно, что из нескольких взятых в плен красноармейцев казаки расстреляли именно китайца [49].

Большая часть мобилизованных в Германскую войну солдат была из деревни: 12,8 млн чел. из общего числа в 15,8 млн человек. Соответственно менталитет российского солдата был в основе своей *крестьянским*, делает вывод О. С. Поршнева, но подчеркивает, что это был крестьянин, попавший в новую для себя ситуацию [50]. Предпринятые методологами усилия по объяснению поведения масс в условиях революционного кризиса, оперируя категориями «ментальность» и «крестьянская ментальность» [51], не дали результатов, но не по той причине, которая была ими названа (разрушающее влияние идеологии на ментальность, со ссылкой на М. Вовеля). Препятствием является то, что пока не удалось получить достоверных и общепризнанных моделей крестьянского массового сознания [52].

Популярно в научной литературе и другое утверждение: «человек с ружьем» – это человек особой *маргинальной* (промежуточной, переходной) культуры [53]. В солдатской массе опознают ожесточенных маргиналов, по-своему воспринимавших обещания всеобщего «земного рая» и уверовавших в социальное чудо за счет избавления от «дурного» начальства [54].

Их маргинальность видят в буйном неконтролируемом поведении; непризнании любого начальства, кроме непосредственного, которое обладало еще большей степенью brutality, чем общая масса; нарушении общественных правил и приличий; презрении к постороннему мнению. Подобным поведением, по общему мнению, отличались матросы [55], среди которых была велика доля уроженцев городов и рабочих поселков, а не сельских жителей [56].

Ситуация в солдатской среде, если иметь в виду красноармейцев, после начала широкомасштабных действий и с формированием регулярной Советской Армии изменилась в сторону большей управляемости и организации. Это было результатом не только усилий командования РККА, но и возникшим осознанием жизненной необходимости порядка и организации. Красноармейцы вновь согласны выполнять определенные поведенческие нормы, отличающие армию от других социальных институтов. Разумеется, это не означает, что случаи разнузданного поведения красноармейцев ушли в прошлое. В условиях отступающей армии происходил возврат к партизанщине и неподчинению. Главное, появилась внутренняя готовность подчиняться для спасения жизни.

Случаи грабежей и погромов, которыми прославились красные конные армии в 1920 г., связаны с традицией поведения на войне, присущей казачеству. Об этом в период Германской войны писал Ф. Степун, а о кубанских частях Кавказской армии Врангеля – Ф. И. Елисеев [57]. Состояние безвластия, а не маргинализация насильственно отлученных от дома людей была причиной подобных явлений. Вот что писал об отрядах зеленых сибирских партизан очевидец: «Когда саранча эта спускалась с гор на города с обозами из тысячи порожних подвод, с бабами – за добычей и кровью, распаленная самогонкой и алчностью, – граждане молились о приходе красных войск, предпочитая расправу, которая поразит меньшинство, общей гибели среди партизанского погрома...» [58]. Таким образом,

подобное поведение не связано с пребыванием в армии и принадлежностью к комбатантам. Этот феномен был описан европейскими учеными еще до того, как в России разразилась революция. Г. Лебон анализировал поведение толпы, а Э. Дюркгейм – явление аномии, эпохи падения авторитета законов и правил [59].

Классовая революция сама по себе фактор маргинализации, десоциализации общества: «...Там, где... расстояние и различие между классами увеличивается, регрессирует и цивилизация» [60]. В условиях социального переворота как никогда усиливаются процессы приспособления, активизируются механизмы социализации. В непривычной для себя среде люди склонны к быстрой перемене вектора действий; неустойчивы во взглядах и мнениях; более подвержены внешнему воздействию, чем обычно; проявляют покорность и агрессию почти в равной степени. Поведение мобилизованных солдат, которое принято называть маргинальным, в большей степени было свойственно начальному этапу революционного кризиса. В течение короткого периода времени механизм адаптации принес свои плоды, сложились правила, принятые данной группой, ее динамика приобрела контуры упорядоченности. Этому способствовала и деятельность командования всех сторон конфликта [61].

«Революционное» поведение бывших красноармейцев во многих случаях было обратимым явлением. При возвращении после войны в свою среду солдат постепенно избавлялся от многих военных привычек и черт. Архивные фонды, которые позволяют проследить биографии бывших солдат революции, подтверждают это [62]. Волна социальных преобразований 1920–1930-х гг. в большей степени способствовала переходу людей традиционных социальных групп в категорию «маргиналов».

Белоэмигрантские мемуаристы отмечают, что с обеих сторон в войне наиболее активной была *молодежь*. Тридцатилетние солдаты назывались кубанскими казаками пожилыми. Даже в тя-

желый 1919 г. большевики демобилизовали из армии сорокалетних («старые года») как ненужный балласт [63]. То же подтверждают проведенные историко-социологические исследования (В. Д. Поликарпов, А. В. Посадский). Типичный сторонник большевиков периода весны 1918 г. это молодой фронтовик, в среднем 24 лет, грамотный, холостой. Подсчеты на основе анкет красных партизан из фондов Северокавказской комиссии помощи демобилизованным красноармейцам и бывшим красным партизанам дали параметры того же качества. 70 % красноармейцев имели в 1919 г. возраст от 15 до 29 лет, а 53,6 % – от 15 до 24 лет.

Основа Добровольческой армии, «первопоходники», тоже по преимуществу молодежь – офицерская, юнкерско-кадетская, учащаяся, студенческая; как писал бывший военный прокурор Донской армии, молодежь, «смотревшая на гражданскую войну как на источник дохода, а на боевую работу – как на ремесло» [64]. Подобная оценка более характерна для заключительного этапа войны, а начиналась она с высокого порыва кадет и юнкеров.

Уставших от войны офицеров и взрослых казаков на борьбу с большевиками подняла гибель нескольких новочеркасских кадет среди выступивших в составе колонны донского полковника Кучерова против красногвардейских отрядов Ростова-на-Дону в конце ноября 1917 г. Неслучайно чувство справедливости особенно развито у детей. Разве могли юные кадеты не откликнуться на слова «донского Баяна» Митрофана Петровича Богаевского: «Но когда приходят чужие и отнимают у нас Ростов, я заявляю: не боюсь я этой крови, ибо на ней строится великое будущее, так как пришел смертный час России, а мы и Россия еще не хотим умирать...» [65]. Капитан В. С. Новиков закончил свое эссе, посвященное памяти всех погибших кадет словами: «Слово “кадет” стало самым ненавистным и самым яростным символом для революционной черни» [66]. Распространенное именно на Юге именование участников добро-

вольческих отрядов – «кадеты» – происходит от названия учеников военных школ, а не от партии конституционных демократов, как принято считать. Иногда наряду с ним использовали название «юнкера» [67].

Молодое, невоевавшее пополнение белых казачьих полков старалось в бою показать себя. Бой им был как забава. «Выражение лиц напоминало скорее напроказивших детей. На эту легкость восприятия опасности молодыми казачатами, из коих полк в 1919 г. состоял, я неоднократно и потом обращал внимание. Не раз приходило в голову: не лучше ли начинать подготовку к войне и ее вести людьми именно в этом возрасте?» (Из записки полковника Лейб-гвардии В. А. Дьякова) [68]. П. Н. Краснов и И. Н. Оприц отмечали, что не служившие ранее в армии молодые казаки призыва 1918 и 1919 гг. не были затронутыми революционными настроениями, а потому были надежным пополнением [69].

Участник гражданской войны на Севере подтверждал стабилизирующее действие на мобилизованных присутствия в части, наряду с кадровыми офицерами, «учащейся интеллигентной молодежи». Такие полки до конца были особенно надежны [70].

II.

К жизни рядовых комбатантов, как ни к какой другой, подходит определение «негероическое повседневное выживание» (М. Бланшо). Боевая повседневность регламентирована не только воинскими уставами, распоряжениями командования, но и спонтанно возникшими правилами, «обыкновениями», чье действие было особо мощным в условиях такого вооруженного конфликта, как гражданская война. Не так сложно описать коллизии повседневного существования; сложнее – слабо формализуемые механизмы осуществления ритмов жизни, характерных для огромных масс людей. Безусловно, расшифровка их природы возможна при оценке роли ценностных ориентаций в мотивации поведения.

Существование расхождений между декларируемыми ценностными ориентациями и реальными ценностями – результат регулирующей деятельности социума и признак изменений в самой личности. Одним из немногих примеров их совпадения является *полковой патриотизм*, который легко обнаружить по обе стороны фронта. Он выражался в верности своей части и в бережном отношении к ее традициям. Отмечалось, несмотря на то, что к 1920 г. в «цветных» частях (Корниловский, Марковский, Алексеевский, Дроздовский полки) остались единицы из числа «первопроходников» и основную массу составляли пленные красноармейцы и мобилизованные, стойкость этих частей была выше, чем других. Когда в 1919 г. вышел приказ Реввоенсовета о демобилизации из Красной Армии «старых», т.е. 42–44-летних бойцов, то уволенные из полков их не покидали, – «дело в том куда ити и опят пошел с армией» [71]. Демобилизованные по ранению красноармейцы стремились возвратиться в свою часть, так как дома, на Дону или Кубани, белые [72]. Когда в 1919 г. эвакуированные в Поволжье раненые красноармейцы – уроженцы Кубани – после выздоровления попали в другую часть, они стали просить командование отпустить их в кубанские части под Царицын. Они выбрали себе командира – чеченца Алима и, найдя 2-й Таманский полк, вступили в него [73].

По обе стороны фронта четко различимо стремление сбиться в группу. В белых казачьих частях, несмотря на все предпринимаемые меры, сохранялась организация полков и сотен – по станциям и хуторам, что создавало проблемы с дисциплиной, развивалось панибратство, как писал офицер-казак: «...На первом месте кум, сват, брат, а за раненым уходят целые взводы...». Но зимой 1920 г. земляческие отношения вызвали странную форму дезертирства – из тыла на фронт; недавно призванных – к одностаничникам в части, находившиеся на фронте. Но зато в этих частях «старички» наставляли не обстрелянных еще молодых казаков, хотя и посмеиваясь

над ними. Говорили, что они носят оружие в руках, «как вилку перед обедом». Когда новички при первых же выстрелах нагибались, «старички» шутили: с кем здороваешься, того еще не видно [74].

Стремление найти группу, в составе которой больше шансов уцелеть, может рассматриваться как один из вариантов стратегии выживания, выработанных в годы гражданской войны. Это чувство использовали командиры Красной Армии для привлечения бойцов в свои отряды. Дмитрий Петрович Жлоба, бывший донецкий шахтер, оказавшийся тонким психологом, говорил колеблющимся красноармейцам: «Хотите жить, идите со мной» [75]. Жизненная тактика мужчин мобилизационного возраста предполагала выбор командира, который обладал ореолом удачливого; причастность к его удаче становилась основанием для надежды остаться невредимым. Можно говорить о существовании некоего контракта бойцов с командиром. Вот как описан митинг, на котором был заключен этот «коллективный договор»: «...Собрал нас тов. Жлоба и стал упрашивать[,] чтобы мы дали согласие и[д]ти под Царицын[,] и говорил со слезами на глазах[,] и потом мы дали свое согласие...» [76].

Интересна *финансовая сторона* жизни воинских подразделений. Этот вопрос фигурирует в документах крайне редко. Обычно в полковых бумагах говорится о постановке и снятии с довольствия, но денежные суммы – их размер, периодичность и основания выплаты – встречаются редко. Из воспоминаний участников войны известно, что большевики стали платить солдатам и красногвардейцам жалование уже весной 1918 г. [77]. В Красной Армии активно использовались методы материального (ценные подарки – золотые и серебряные портсигары, часы) и даже денежного поощрения: годовой оклад жалования за особые отличия [78].

Накануне наступления на вооруженные силы белого Юга в 1920 г. большевики уделяли много внимания финансированию зеленых и красных парти-

занских отрядов в тылу противника [79]. Переписка командующего Терской областной группы Красных повстанческих войск Николая Федоровича Гикало с командирами чеченских и ингушских отрядов содержит выразительные отрывки. Известный чеченский большевик (если использовать принятую терминологию) Мазлак Ушаев писал в штаб: «Вы должны знать, что наш народ продаст за деньги свою жизнь». Один из полевых командиров сообщал Гикало, что в селения Урус-Мартан и Гойты явились казаки, они раздают деньги и требуют выдать всех главарей. Очевидно, что симпатии горцев переметнулись, и сторонник большевиков жалуется: «...За неимением средств наше дело совершенно падает. Просил бы Вас не отказать достать нам средства... [...] Обязательно вышлите побольше денег» [80]. В воспоминаниях осетина Хамби Сланбековича Халлаева присылка денег и патронов и последующее пополнение отрядов свежими силами выглядят не только как события последовательные по времени, но и как связанные причинно [81]. Примечательна также фраза из автобиографии ингуша Алибека Бурсутовича Холухоева, что, когда он со своим старшим сыном пошел в отряд воевать с белыми, его семья уже не голодала [82].

В частях Вооруженных сил Юга России размеры жалования отличались. Наибольшее платила своим казакам кубанская власть, затем с существенным отрывом шла Донская армия: донской генерал-майор получал меньше кубанского сотника, и совсем небольшим было содержание солдат и офицеров добровольческих частей [83]. Пособия солдат и офицеров Северной армии были высоки, лучше, чем на любом другом фронте белых, и индексировались [84].

В частях Донской армии рядовые казаки были богаче офицеров, потому что по неписанной традиции имущество пленного отходило к взявшему его в плен казаку. Поэтому у них в период успешных боев было много денег, они сорили ими, покупали продукты и ели вдоволь. Офицеры же взятой с боя до-

бычей не пользовались (из записок генерала В. И. Фарафонова) [85].

Военный прокурор Северной области Северин Цезаревич Добровольский упоминал такую дисциплинарную меру в Красной Армии, как *порка*, и писал, что она была причиной недовольства советской властью и бунта в красных частях [86]. Свидетельства о наказаниях плетью встречаются и в письмах бывших красноармейцев, датированных 1920 – началом 1930-х гг., но даже сами жертвы экзекуции вспоминают об этом с легким юмором, как о дружеской критике. Ведь наказывало родное начальство и за дело – за пьянство, самоуправство, вранье и мошенничество [87]. У одного из красных командиров Жлобы для этих целей была красная резиновая плетка. Командир бригады Федор Иванович Шевалко писал, обращаясь к своему бывшему командиру корпуса: «Под местечкой Бурлук после ожесточенного боя без Вашего разрешения много было расстреляно, более 50 чел. белых и зеленых, за что имел выговор по бригаде и лично от Вас хороший удар Вашей резиной и название гада» [88]. Не исключено, что Добровольский ошибался, не уяснив разницу между офицерским кулаком и товарищеской плеткой.

Рукоприкладство не было привилегией одних только командиров. Видный участник гражданской войны, таганрожец Дмитрий Яковлевич Тертышный оставил несколько вариантов автобиографии, и все достаточно искренние. Так вот его неоднократно избивали: первый раз, когда он отбил от своих и попал в другой красногвардейский отряд; там его хотя и поколотили, однако не расстреляли, видимо, поверили, что не белый. Другой раз его избивали махновцы за ношение звезды на фуражке и знаков командирского отличия, когда он был направлен командованием в 1919 г. в распоряжении Махно [89].

Неоднократно авторы, воевавшие на стороне белых, в крайне враждебных тонах писали о работе своего армейского *тыла*. Противоречия были связаны с близостью тыловиков к источникам

различных благ, чем они активно пользовались [90]. Примечательно, что в советском тылу находилось не меньше войск, чем на фронте, т.к. внутренний фронт был не менее напряженным. У красных особых конфликтов между фронтовыми и внутренними частями не отмечено, тем более, что командование их активно тасовало. Например, элитные латышские части после службы в Кремле были отправлены на фронт, на их место заступили китайцы из интернационального отряда и курсанты кремлевских курсов красных командиров. Сильнее была неприязнь к тем, кто оставался дома, с семьей, – к крестьянам и мещанам, впрочем, этим отличались и белые [91].

Оказавшись на постое, красные бойцы пользовались своей властью и силой, желая дать обывателям почувствовать тяготы переживаемого момента. Отдельная кавбригада 37-й стрелковой дивизии под командованием Текучева, направленная в июле 1919 г. в коммуны немцев Поволжья, вела себя так, как будто находилась на враждебной территории: избиения нагайкой, травля посевов и хищение вещей были в порядке вещей. Примеры барского поведения солдат армии трудового народа особенно впечатляют. Житель немецкого села Умет по фамилии Фельде по требованию пяти красноармейцев зарезал барана и сделал суп, но они стали требовать котлет и яичницу [92]. Известный красный командир Иван Кочубей, впоследствии казненный белыми, имел привычку после боев обедать обязательно с жареной малороссийской колбасой и спать не менее чем на трех перинах [93].

Цитата из Блаженного Августина («О граде Божьем») о восставших рабах: «Одержавши же множество побед, предавались удовольствиям, каких желали, делали, что внушала похоть, и жили подобно царям», не будет полным отражением сути подобного поведения. Во-первых, всякие чудачества и экстраординарные привычки командиров нравились бойцам; во-вторых, в такой извращенной форме представители про-

стого народа видели способ реализации своего нового более высокого социального статуса.

Находившиеся в постоянном напряжении солдаты и офицеры искали *забавное* в своей тяжелой повседневности и получали искреннее удовольствие от случавшихся казусных ситуаций. Например, в полковой истории Лейб-гвардии казачьего полка, изданной в 1939 г., бытовые зарисовки фронтовой жизни занимают видное место. Источником для них стали дневниковые записи офицеров и унтер-офицеров полка. В одном из боев лейб-казакам удалось открыть стрельбу из захваченного орудия, намеренно лишенного отступившим красным расчетом некоторых деталей. Вместо унесенного курка казаки просовывали шомпол от винтовки и, ударяя по нему, разбивали капсюль снаряда. Эта находчивость приводила стрелявших и окружающих в полный восторг [94].

На другой стороне фронта воевали такие же люди, не упускавшие случая разрядить напряжение смехом. Ночной бой в 1919 г. под х. Медвежьим запомнился бывшим жлобинцам тем, что они, дабы различать в темноте своих, повязали справа налево белое – полотенца, «сподники», что стало поводом для шутки: поедем Жлобу женить [95]. А шутка их командира Жлобы, переименовавшего город Святой Крест в Пьяный крест, пользовалась популярностью среди бойцов даже спустя годы [96]. Давали друг другу прозвища: одного за большой нос и густую бороду стали называть «Барсук», другой получил имя «Черная Хмара» в наследство от броневика, которым когда-то командовал [97].

Иногда комбатанты видели смешное в вещах, могущих шокировать человека другой среды. Вот воспоминания Хамби Халлаева, партизана-кержениста [98]: «Мы открыли по ним (по белым отрядам, набранным в кабардинских селах. – О. М.) огонь, патрон не жалели. [...] Противник бежит неудержимо. Мы среди них. Я выхватываю свой клин и начинаю рубить по частям. Так вот, выде-

ляю группу человек пять спереди и давай рубить. Кончится эта группа, давай другую... [...] ... (вижу,) мимо меня бежит один всадник противника. Я с размаха ударяю его по голове. [...] После удара он еще летит рядом со мной. Смотрю, голова у него еще цела. Я размахиваю еще раз. И на этот раз мой клин рубит у него только толстую шубу, а тело остается невредимым, но уже он падает с лошади прямо на голый лед... В это время слышу, сзади смеется Дзатцоев Данел: “Эй, Хамби, что это за удары, как не стыдно!..”». Оказывается, из-за усталости большого пальца рука при ударе не удерживала прочно клинок, и сабля наносила удары плашмя [99]. Товарищи потом долго подтрунивали над Хамби.

Ощущается такая функция смешных воспоминаний как свидетельство общего прошлого и признак принадлежности к группе. По-видимому, чувство «мы вместе смеялись» более существенно для идентификации своего, чем общие тяжелые, постыдные, шокирующие воспоминания.

Среди перечня немногих удовольствий рядовых солдат в годы войны можно назвать обильную или праздничную еду, выпивку, парады и поощрения командования. Бывший комиссар полка Шевалко за какое-то боевое отличие получил «полбутылки чистого спирта для подкрепления сил» [100]. Два воза спелого и сладкого винограда, которые выставил бывший командир отряда «Черная Хмара» в погашение своей невольной вины за то, что из-за ранения завез жалование всего отряда [101]. После взятия Новочеркасска 1-м Конным корпусом под Новый год (1920-й) в городе была устроена грандиозная пьянка [102]. Многодневная оргия в занятом тогда же Ростове-на-Дону нарушила планы РВС Республики, но командиры типа С. М. Буденного, К. Е. Ворошилова, Д. П. Жлобы даже не прилагали усилий, чтобы привести свои части в боеспособный вид, т.к. понимали, что пока это невозможно.

Знакомство с полковыми документами некоторых красных частей свидетельствуют, что в боевой обстановке ко-

мандование стремилось, хотя и с разным успехом, к налаживанию системы централизованного снабжения. Независимо от того, какая это была часть – регулярная армия или партизанский отряд, готовили еду для всех [103]. Например, зимой 1920 г. в Терской областной группе Красных повстанческих войск существовала сеть агентов, которые за наличные или за расписки закупали все необходимое для растущей и готовящейся к выступлению армии – хлеб, продукты, обмундирование. Для дезертира, слонявшегося по горским аулам, попасть в отряд, где его ставили на довольствие, по мере возможности одевали и обували, было известной удачей. В ответ же командование требовало подчинения, выполнения правил распорядка (за содержание казарм в антисанитарном состоянии следовало наказание), выхода в наряды, участия в немногочисленных пока стычках с белыми [104]. Кроме того, время от времени командование поощряло контингент подарками («ножичками и часами») [105].

Большевики хорошо понимали психологию солдат и устраивали для отличившихся частей праздничные митинги с раздачей подарков. Так, митинг на ст. Тундутово его участники запомнили на всю жизнь. На нем присутствовал сам Л. Д. Троцкий, который хвалил красноармейцев, а потом раздал им «наградные деньги» и ценные вещи – часы, портсигары, револьверы, теплое белье. И даже когда бывший «первый красный командир» был уже в опале, продолжали вспоминать это самое яркое праздничное событие из военной жизни [106]. Спустя годы они с благодарностью вспоминали подарки непосредственного начальства: «воз литературы, воз махорки и... граммофон, который потом находился при лазарете» [107].

Упоминаний о торжественных раздачах подарков в эмигрантских мемуарах встречать не приходилось. Бывали полковые праздники и смотры, но так эффектно они не проходили. Хотя и белым было чем наделить своих бойцов. Но полученные от союзников товары, об-

мундирование и продукты до фронта почти не доходили, а при отступлении все пришлось сжечь.

Роль политкомиссаров в отношении рядовых красноармейцев состояла в расширении их представлений о целях борьбы. Для этого политработники читали им лекции о политической ситуации в мире в упрощенном виде и пересказывали суть марксизма так, как сами понимали. На первый взгляд, содержание речей большевиков на съездах и собраниях перед далеко не интеллектуальной аудиторией вызывает удивление. Они говорили, например, о месте Персии в системе интересов мировых держав, об исторических формах государства и эксплуатации, пересказывали наряду с К. Марксом и В. Лениным К. Каутского и А. Бебеля, и малограмотная масса их с большим интересом слушала [108]. По этому принципу была построена и большевистская печать. Например, на страницах газеты «Большевик», издаваемой ЦК КП(б) Украины (Киев), печаталась информация со всей страны и со всего мира о том, что произошло на съезде австрийской социал-демократии и что сказал Клемансо в парламенте. Все эти новости в итоге имели агитационный характер, т.к. заканчивались резюме о влиянии их на внутрироссийские события.

Политкомиссар в традиционной системе социальных ролей выполнял функцию бывалого, знающего человека, расширяющего границы известного мира. Такими были в русских деревнях странники и отставные солдаты. Здесь очевидна свойственная простому народу попытка вырваться *au dessus du vulgaire* (за пределы обыденного), по выражению А. Я. Гуревича. Кроме удовлетворения естественного желания узнать неизвестное, солдатам импонировало само стремление большевиков говорить с ними. При всей ненависти к публике «без мозолей» массы мечтали стать похожими на нее.

Усилия командного состава и комиссаров в этом направлении одобрялись бойцами. Они гордились своей сознательностью, что воевали лучше против-

ника именно потому, что их командир «ездил сам по фронту и сильно поддерживал дух». А разговоры о том, что атаман Краснов поил казаков пьяными, чтобы те шли воевать, воспринимались красноармейцами как дискредитирующие противника [109].

Младшие командиры белых частей, тяготевшие к эсеровской партии, также устраивали своеобразные политзанятия среди своих бойцов, и это давало результаты: отряды получались спаянными и стойкими [110].

В плане реставрации обстоятельств боевой повседневности особо информативны женские тексты. Женское сознание склонно оценить частности, что отличается от мужского панорамного взгляда на события. Бывшая кухарка Антонина Топалова (Тополева) вступила осенью 1918 г. в отряд С. И. Москевича в районе Кавминвод. Она вспоминала, что после гибели командира отряд практически рассеялся, однако периодически собирался, чтобы решить, что делать дальше. Когда началось тотальное отступление красных в конце 1918 г., решили присоединиться к одному из отрядов и отступать в Царицын [111]. В это время учительница из Владикавказа Нина Андреевна Андриевская отступала с семьями советского руководства Пятигорска и Владикавказа в села горной Ингушетии. Они числом около 30 чел. жили в доме Идриса Зязикова, председателя ЦИК Горской Республики. Наличие среди них женщин, по ее свидетельству, обеспечивало им конспирацию; с женщинами и детьми они выглядели как семьи беженцев. Приезжавшим в село белым так и казалось [112].

Автобиографии людей, бывших детьми в годы гражданской войны, позволяют рассмотреть такую особенность тогдашних судеб: человек практически не мог управлять обстоятельствами; это об-

стоятельства управляли им: «Когда пошли в наступление, я почему-то оказался в 1-м Конном корпусе Думенко»; «...И пошли отступать, дальше я не знаю, я очутился со своим отрядом в гор. Екатеринославе» [113]. То же касается и более взрослых людей, но у них была сильна иллюзия, что их действия целенаправленны и осознанны. Поэтому и стоит рассматривать большинство действий лиц, однозначно относимых к народной массе, к способам приспособления к ситуации, к стратегиям выживания.

Как всегда обращение к ситуативной истории и повседневной жизни масс дает мозаичную картину событий. Однако очевидно, что кроме социальных, экономических и идеологических причин выбора в условиях гражданской войны большую роль играли и случайные обстоятельства, связанные с особенностями судьбы и личности отдельного человека. На первый взгляд, такое «вмешательство» еще более запутывает вопрос. Но на самом деле тут представлена богатейшая палитра стратегий выживания, представленных людьми многих общественных слоев.

Потребность пребывания в армии стала жизненной стратегией мужчин призывного возраста на территориях активных боевых действий гражданской войны. Чрезвычайная жизненная полоса требовала нестандартных решений. В этих условиях солдаты решали обычные человеческие задачи: изменяли под себя окружающую среду и сами приспосабливались к ней, искали референтную группу и надежного лидера, создавали актуальную систему ценностей, правила поведения в отряде с однополчанами и командирами, формулировали оправдывающее объяснение своих самых жесточайших поступков.

Примечания

1. Степун, Ф. А. (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста [Текст] / Ф. А. Степун. – Томск : Водолей, 2000. – С. 301.

2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 563; – Д. 7. – Л. 53, 73 об., 348, 319; – Д. 8. – Л. 182, 301; – Д. 11. – Л. 312.
3. См.: Морозова, О. М. Кадровый состав и внутриармейские отношения в вооруженных формированиях в годы гражданской войны [Текст] / О. М. Морозова // Вопросы истории. – 2008. – № 7. – С. 26-38.
4. Оприц, И. Н. Лейб-Гвардии Казачий Е.В. полк в годы революции и гражданской войны. 1917–1920 [Текст] / И. Н. Оприц. – Париж: издание В. Сияльского, 1939. – С. 111.
5. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 210; – Д. 8. – Л. 127.
6. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 13.
7. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 301 об.
8. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 465.
9. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 118; – Д. 9. – Л. 275; – Д. 11. – Л. 453.
10. Гиппиус, З. Петербургские дневники [Текст] / З. Гиппиус // Литература русского зарубежья: Антология. – Т. 1. Ч. 2. – М. : Книга, 1990. – С. 196.
11. Цит. по: Рейли, Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове [Текст] / Д. Дж. Рейли / Пер. с англ. – Саратов: Изд-во «Слово», 1995. – С. 322.
12. Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. Р-2992. Оп. 1. Д. 329.
13. Замира, А. Ю. Ново-Николаевск в военном мундире 1904–1920 гг. [Электронный ресурс] / А. Ю. Замира, И. В. Ладыгин // Режим доступа: <http://www.novonikolaevsk.com/glava4.htm> – загл. с экрана
14. Поликарпов, В. Д. Добровольцы 1918 года [Текст] / В. Д. Поликарпов // Вопросы истории. – 1983. – № 2. – С. 34, 36, 39.
15. Улько, Г. Октябрь на Черноморье [Текст] / Г. Улько. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1957. – С. 96.
16. Посадский, А. В. Крестьянское добровольчество в Красную Армию 1918 года: опыт регионального анализа [Текст] / А. В. Посадский // Социс. – 2006. – № 10. – С. 132–137.
17. Анишев, А. Н. Очерки истории гражданской войны. 1917–1920 [Текст] / А. Н. Анишев. – Л. : Госиздат, 1925. – С. 254.
18. Рейли, Д. Дж. Указ. соч. – С. 322; Посадский, А. В. Крестьянское добровольчество в Красную Армию...
19. Посадский, А. В. Белое дело: вехи истории [Текст] / А. В. Посадский // Родина. – 2008. – № 3. – С. 58–62.
20. Посадский, А. В. Крестьянская самооборона в годы гражданской войны в России (восточный регион) [Текст] / А. В. Посадский // Отечественная история. – 2005. – № 1. – С. 127.
21. Росс, Н. Врангель в Крыму [Текст] / Н. Росс. Frankfurt/Main: Б.и., 1982. – С. 259.
22. Герман, А. Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам [Текст] / А. Герман // Наказанный народ: репрессии против российских немцев. – М.: Звенья, 1999. – С. 21.
23. Краснов, П. Н. Всевеликое войско Донское [Текст] / П. Н. Краснов // От первого лица: сб. – М. : Патриот, 1990. – С. 293; Оприц, И. Н. Указ. соч. – С. 127.
24. Оприц, И. Н. Указ. соч. – С. 171; Добровольский, С. Борьба за возрождение России в северной области [Текст] / С. Добровольский // АРР. – Т. III. – С. 75.
25. Краснов, П. Н. Указ. соч. – С. 315.
26. Деникин, Юденич, Врангель. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев [Текст]. – М. : Отечество, 1991. – С. 240, 241; Посадский, А. В. Белый Юг и махновщина: к проблеме взаимоотношений [Текст] / А. В. Посадский // Крым. Врангель. 1920 год. – М. : Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций; Фонд русской истории, 2006. – С. 170–184.
27. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. – Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. [Текст]. Кн. 1. Исход. – М. : Гей, 1998. – С. 203–204; Оприц, И. Н. Указ. соч. – С. 331.
28. Посадский, А. В. Белый Юг и махновщина... – С. 182.

29. Центральный государственный архив Московской области (ЦГА МО). Ф. 4804. Оп. 1. Д. 177. Л. 13–14.
30. ГА РО. – Ф. Р-2992. – Оп. 1. – Д. 1.
31. ГА РО. – Ф. Р-2992. – Оп. 1. – Д. 319.
32. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 7.
33. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 244; – Д. 7. – Л. 57.
34. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 257.
35. Петров, П. Борьба на Волге [Электронный ресурс] / П. Петров // Режим доступа: <http://www.dk1868.ru/history/PETROV.htm> – загл. с экрана
36. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 116 об.
37. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 35, 36.
38. ГА РО. – Ф. Р-2992. – Оп. 1. – Д. 130. – Л. 2 об, 21, 23 об.
39. Гиппиус, З. Указ. соч. – С. 184.
40. Добровольский, С. Указ. соч. – С. 50, 53, 68.
41. Добровольский, С. Указ. соч. – С. 77.
42. Савинков, Б. В. Борьба с большевиками [Текст] / Б. В. Савинков // Литература русского зарубежья: антология. – Т.1. Ч.2. – С. 173.
43. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 53.
44. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 637.
45. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 107. Стиль и орфография документа оставлены без изменений.
46. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 97 об.
47. Зиновьев, В. П. Этнический аспект общественного движения в Сибири и на Дальнем Востоке накануне революции 1917 г. [Текст] / В. П. Зиновьев, Е. В. Карих // Исторический ежегодник. 1997 (спецвыпуск). – Омск : изд-во Омского гос. ун-та, 1999. – С. 85–91.
48. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 1, 8, 11, 12.
49. НА СОИГСИ. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 1, 8, 11, 12; ЦГА РСОА. – Ф. Р-44. – Оп. 1. – Д. 541. – Л. 32.
50. Поршнева, О. С. Ментальный облик и социальное поведение солдат русской армии в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) [Текст] / О. С. Поршнева // Воен.-ист. антропология: Ежегодник, 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 254, 257.
51. Кожевин, В. Л. Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения [Текст] / В. Л. Кожевин // Вестник Омского университета. – Омск : изд-во Омского гос. ун-та, 1999. – Вып. 3. – С. 79.
52. См.: Морозова, О. М. «Эгалитаризм», «коллективизм» и «трудолюбие» русского народа: неочевидная очевидность [Текст] / О. М. Морозова // Cogito. Альманах истории идей. – Ростов н/Д. : изд-во ЮФУ, 2007. – Вып. 2. – С. 407–427; Кожевин, В. Л. Указ. соч. – С. 82.
53. См.: Волобуев, П. В. Революция и народ (методологические и теоретические аспекты) [Текст] / П. В. Волобуев // Октябрьская революция. Народ ее творец или заложник? / Отв. ред. П. В. Волобуев. – М. : Наука, 1992; Протасов, Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива [Текст] / Л. Г. Протасов // Отечественная история. – 1993. – №5; Ларьков, Н. С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть [Текст] / Н. С. Ларьков. – Томск, 1995.
54. Булдаков, В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» [Текст] / В. П. Булдаков // Революция и человек : Быт, нравы, поведение, мораль : [Материалы конф., 14–15 нояб. 1995 г. / Редкол.: П. В. Волобуев (отв. ред.) и др.]. – М. : ИРИ, 1997. – С. 74–75.
55. Условия для особого места матросов в революции и гражданской войне стали формироваться еще в годы Первой революции, что было связано с нашумевшими событиями на Черноморском флоте летом 1905 г. Уже в 1907 г. анархизм и матросские атрибуты имеют некую ассоциативную связь: девушку в матроске, держащую себя независи-

мо, посторонние мысленно называют анархисткой (Кизеветтер, Е. Я. Дневник 1905–1907 гг. [Текст] / Е. Я. Кизеветтер // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). – Вып. V. – М. : Студия «ТРИТЭ», РИО «Российский архив», 1991. – С. 399).

56. Гаркавенко, Д. А. Социальный состав матросов русского флота в эпоху империализма [Текст] / Д. А. Гаркавенко // История СССР. – 1968. – №5. – С. 52–55.

57. Елисеев, Ф. И. С хоперцами: Воспоминания о Гражданской войне (часть 2) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.dk1868.ru/history/s_xoper2.htm – загл. с экрана; Степун, Ф. А. (Н. Лугин). Указ. соч. – С. 20–21.

58. Левинсон, А. Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г. [Текст] / А. Левинсон // АРР. – Т. III. – С. 208.

59. См.: Лебон, Г. Психология масс [Текст] / Г. Лебон. – СПб. : Макет, 1995; Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение [Текст] / Э. Дюркгейм. – М. : Терра-Книжный клуб, 2008.

60. Тард, Г. Социальная логика [Текст] / Г. Тард. – СПб., 1996. – С. 157.

61. Военный прокурор Северной армии генерала Миллера писал: «Нет никакого сомнения, что никакая армия в таких условиях существовать не может, какой бы политический режим в стране не был, республиканский или монархический, и даже Советская республика, как только большевики захотели создать у себя прочную Красную Армию, ввела в ней воинскую дисциплину, заставив солдатские массы навсегда бросить мечты о всяком самоуправлении и тех комитетах, при посредстве которых большевики сами разложили нашу старую армию». Но у белых это вполне логичное намерение укрепить дисциплину парализовалось боязнью «прослыть контрреволюционером» (Добровольский, С. Борьба за возрождение России в северной области [Текст] // АРР. – Т. III. – С. 23).

62. См.: Морозова, О. М. Послевоенная судьба солдат революции [Текст] / О. М. Морозова // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А. Н. Еремеевой, А. Ю. Рожкова. – Краснодар : Кубанькино, 2006. – С. 144–151.

63. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 346; Елисеев, Ф. И. С хоперцами: Воспоминания о гражданской войне (часть 1) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.dk1868.ru/history/s_xoper1.htm – загл. с экрана.

64. Калинин, И. М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора [Текст] / И. М. Калинин. – Ростов н/Д. : Ростовское книжное изд-во, 1991. – С. 12.

65. Мезерницкий, В. К. Так пролилась первая кровь (Кадеты в боях под Ростовом в ноябре 1917 года) [Текст] / В. К. Мезерницкий // Кадетская переключка. – 1996. – № 59.

66. Новиков, В. С. Соприкосновение с армией [Текст] / В. С. Новиков // Военная быль. – № 61. – Париж : Издание Обще-Кадетского объединения, 1963. – С. 38.

67. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 3; – Д. 8. – Л. 134.

68. Оприц, И. Н. Указ. соч. – С. 152.

69. Краснов, П. Н. Указ. соч. – С. 296–297; Оприц, И. Н. Указ. соч. – С. 123.

70. Добровольский, С. Указ. соч. – С. 76.

71. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 346. Стиль и орфография документа оставлены без изменений.

72. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 443; – Д. 7. – Л. 470 об.; – Д. 8. – Л. 149 об., 166; – Д. 11. – Л. 392 об.

73. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 463 об.

74. Оприц, И. Н. Указ. соч. – С. 204, 213, 259, 278.

75. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 12.

76. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 192.

77. СОИГСИ. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 49; ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 392.

78. ЦГА МО. – Ф. 4668. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 1.

79. Оприц, И. Н. Указ. соч. – С. 280.

80. НА СОИГСИ. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 185 об. – 186.

81. НА СОИГСИ. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 26.

82. ГА РО. – Ф. Р-2992. – Оп. 1. – Д. 360.

83. ГА РО. – Ф. 841. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 74 об.
84. Добровольский, С. Указ. соч. – С. 70.
85. Оприц, И. Н. Указ. соч. – С. 332.
86. Добровольский, С. Указ. соч. – С. 54.
87. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 706 об.; – Д. 8. – Л. 170 об.
88. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 175.
89. ГА РО. – Ф. 3442. – Оп. 1. – Д. 106. – Л. 2.
90. Калинин, И. М. Указ. соч. – С. 123, 147; Елисеев, Ф. И. С хоперцами: Воспоминания о гражданской войне (часть 3) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.dk1868.ru/history/s_xoper3.htm – загл. с экрана; Ларионов, В. Последние юнкера. – Франкфурт, 1984 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dk1868.ru/history/larionov3.htm> – загл. с экрана.
91. См.: Шульгин, В. В. 1920 [Текст] // Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. – М. : Новости, 1990. – С. 288–303.
92. ГИАНП. – Ф. 1315. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 23–24.
93. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. – Ф. 852. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 6.
94. Оприц, И. Н. Указ. соч. – С. 338.
95. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 187; – Д. 7. – Л. 56 об., 464.
96. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 102 об., – Д. 8. – Л. 171, 260, 317.
97. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 469.
98. Кермен – революционная организация крестьян горных районов Северной Осетии, возникшая летом 1917 г.; в апреле 1918 г. признана имеющей большевистскую основу с национальной спецификой и слилась с РКП(б).
99. НА СОИГСИ. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 30–31.
100. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 175.
101. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 392.
102. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 267.
103. ЦДНИ РО. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 12.
104. См.: НА СОИГСИ. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 886.
105. НА СОИГСИ. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 886. Л. 92.
106. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 205.
107. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 175.
108. Доклад Председателя Терского совнаркома Булле на 1 съезде трудовых горских народов [Текст] // Народная власть (Владикавказ). – № 167. – 27 ноября 1918 г. – С. 3.
109. ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 205.
110. Левитов, М. Н. Корниловцы в боях летом-осенью 1919 года: Общее положение после занятия города Белгорода [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dk1868.ru/history/LEVITOV.htm> – загл. с экрана; Ларионов, В. Указ. соч.
111. ГА РО. – Ф. Р-2992. – Оп. 1. – Д. 3056. – Л. 4.
112. ГА РО. – Ф. 2993. – Оп. 1. – Д. 213. – Л. 5.
113. ГА РО. – Ф. 2993. – Оп. 1. – Д. 358. – Л. 2.